

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ УЧЕНИЯ О СТИХИЯХ В МАНИХЕЙСТВЕ

© 2012

Е. Б. СМАГИНА

Памяти Бориса Анатольевича Литвинского,
без которого ни эта, ни многие другие мои работы
не были бы написаны.

Манихейство – религиозное учение, но тематика манихейских текстов не исчерпывается чисто религиозными вопросами. В источниках по этому учению мы находим много интересных философских и естественнонаучных представлений, сведений по космологии, антропологии и т.п. В частности, в манихейской доктрине существует учение о стихиях, составляющих первооснову материального мира. Разумеется, оно не возникло на пустом месте, а явилось, как многие элементы этой доктрины, результатом синкретического слияния разнородных источников. Но система стихий, адаптировавшись к манихейству с его крайним дуализмом, приобрела своеобразную форму.

Ключевые слова: стихии, религия, Библия, манихейство, гностицизм.

В соответствии с дуалистической концепцией здесь различаются пять пар-антиномий: пяти темным стихиям соответствуют пять светлых.

Эти пять пар стихий можно на основании многочисленных письменных источников представить следующим образом:

Светлые:	воздух	огонь	ветер	вода	свет
Темные:	дым	огонь	ветер	вода	тьма

С учением о стихиях непосредственно связана манихейская история мира. Материальный мир, согласно учению Мани, был создан из “смешения” – хаоса, образовавшегося, когда светлое начало связало темное. Каждая из природных, материальных стихий представляет собой смешение светлой стихии с ее темным антиподом.

Космогония началась со смешения светлых и соответствующих темных стихий, вследствие чего образовалось то, что можно назвать хаосом. Последующая космогония и история представляют собой ряд этапов разделения смешанных стихий. При этом светлые “половины” возносятся, а темные опускаются в преисподнюю. Мир-космос – прежде всего аппарат для разделения стихий.

Пять светлых стихий – эманации Первочеловека, первого божества-воителя, его оружие в борьбе с мраком.

Пять темных стихий – порождения материи, возросшие в пяти “жилищах” (хранилищах, пещерах) темного начала. В приведенных здесь толкованиях коптского трактата “Кефалайа” излагается учение о происхождении земной природы: на почве стихий произросли пять космогонических деревьев и родились пять видов демонов, от них произошли соответственно пять видов растений и живых существ.

И в собственно манихейских документах, и в изложениях других авторов (см., например, арабское изложение автора Х в. Исхака ибн Ан-Надима) пентада светлых стихий ассоциируется с пятью “умными”, т.е. олицетворенными умственными категориями, и

с подобными же пятью этическими категориями, из которых первой названа любовь, а пятой – мудрость [Flügel, 1862]¹.

В коптском манихейском цикле “Псалмы Саракотон” светлые стихии, которые обычно отождествляются с “членами души” Первочеловека, постоянно именуются “умные” или “пять умных” – (ⲡⲓⲟⲩ) ⲛⲏⲟⲉⲣⲟⲛ [A Manichaean Psalm-Book, 1938, p. 133, 28, 139, 26, 161.25].

Также и темные стихии, по всей видимости, отождествлялись с пятью “умными” категориями темного начала. См. астрологические главы трактата “Кефалайа”, где верховная темная стихия отождествляется с высшей умственной категорией: “дым, он же разум” [Kephalaia, 1940, 167.25–26, 168.3].

Светлые стихии в сирийских источниках по манихейству могут называться “сияющие боги” или просто Сияющие – ܘܢܝܘܬܝܢ.

В коптских книгах тоже иногда употребляется термин “Сияющие”. В “Кефалайа” есть место, где одна из стихий называется “богом” [Kephalaia, 1940, 127.8]. Но чаще всего стихии – и светлые, и темные – в коптских источниках называются греческим словом στοιχεῖον. Кроме того, светлые стихии здесь могут называться “одеяниями” или “оружием” Первочеловека.

Выражение “оружие света” применительно к светлым стихиям заставляет, в частности, вспомнить употребление этого словосочетания в Новом завете:

Ночь прошла, а день приблизился: итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света (Римл 13:12).

Это определение с тем большей вероятностью восходит к Новому завету, что “темной” параллели к нему нет. Темные стихии, как и светлые, могут отождествляться с умственными категориями своего первоначала (разум и т. д.), но они не называются “оружием”.

В латинских источниках употребляется слово *elementa* “стихий”: например, Августи́н, “Против Фавста”, VI, 8, называет так темные стихии [*Patrologiae cursus completus*, 234]. Далее в этом трактате так же именуются и светлые стихии. См., например, XI, 3, где светлым стихиям даются те же определения, что и в коптских текстах: Первочеловек отдал мраку “свои члены, или свои одеяния, или свое оружие, то есть пять стихий” [ibid., p. 246].

В первую очередь кажется само собой разумеющимся, что манихейское учение о стихиях уходит корнями в греческую философию, точнее, в какую-то вульгаризированную ее форму. В ряде греческих философских систем присутствует схема из пяти стихий. Помимо огня, воздуха, земли и воды там выделяется пятая стихия (эфир, апейрон).

Но при более подробном рассмотрении оказывается, что эта доктрина не может быть выведена непосредственно из греческих философских учений.

Традиция гласит, что существовал манихейский канон из семи книг, составленных самим основателем этой религии. К сожалению, от каждой из этих книг дошли в лучшем случае несколько небольших фрагментов. Пересказы доктрины в антиманихейской литературе не всегда передают все подробности либо допускают вариации. Это создает ряд проблем при реконструкции учения.

Так, не совсем понятно, какая из пентад, по манихейскому учению, первична – светлая или темная? Иначе говоря, образовались ли темные стихии по образу светлых, чтобы их захватить – или, наоборот, божество создало светлые стихии как аналог соответствующих темных?

Из пересказа Ефрема Сирина как будто следует, что они с самого начала существовали параллельно: каждый из сынов мрака почувствовал страсть к соответствующей светлой стихии. Цитируя какую-то из книг Мани, Ефрем сообщает:

¹ Английский перевод и более подробные комментарии см. [Dodge, II, с. 777].

Ибо “огонь полюбил огонь, и ветер – ветер, и вода – воду” [*Saint Ephraims Prose Refutations...*, 1912–1921, I, p. 210.43–46].

С одной стороны, можно предположить, что дихотомия всего сущего на равноценные светлое и темное начала подразумевает также изначальное, параллельное разделение каждого из двух начал на пять стихий.

С другой стороны, полная параллельность предполагает одинаковое (аналогичное) происхождение. В манихейской космогонии такой параллели нет. Темные стихии рождены непосредственно материей, верховным олицетворением темного начала, а светлые стихии – божества, так сказать, второго порядка, происходящие от Первочеловека. В тех источниках, где говорится о первоначальном состоянии света до начала войны с мраком, речь идет не о стихиях, а об “эонах света”, без каких-либо специфических черт или различий между последними; притом если упоминается число основных эонов, то это не 5, а 12. Вот как говорит космогонический манихейский псалом (“Псалмы Бемы”, ССХХIII) об исходном состоянии светлого и темного начал во вселенной:

Когда пришел Дух святой,
он явил нам стезю истины,
он поведал нам, что есть две природы –
светлая и темная,
разделенные между собой изначально.
Царство света было в пяти величиях,
они же Отец и его двенадцать эонов,
и эоны эонов, воздух живой, страна света,
и Великий дух веет в них,
питая их светом своим.
А царство мрака – в пяти хранилищах,
они же дым, огонь, ветер, вода и тьма,
и Помысел пресмыкается в них,
[побуждая] их воевать друг с другом
[A Manichaean Psalm-Book, p. 9.8–21].

Как видим, в описании первоначального состояния мира перечисляются темные стихии, но отсутствует перечень светлых. Между тем параллелизм – едва ли не самый распространенный прием в манихейских мифологических и теологических построениях. По данному отрывку, кстати, это хорошо видно. Если бы светлые стихии в канонической космогонии тоже существовали первоначально, составитель псалма не преминул бы провести такую параллель.

Скорее всего в манихейском каноне первичными представлены темные стихии, а светлые появились как “специализированное” оружие для борьбы со своими темными аналогами.

Вопрос о порядке, в котором стихии перечисляются в текстах, сам по себе представляет интерес.

Если посмотреть перечень темных стихий, в разных источниках выявляется один и тот же твердый порядок их перечисления.

В антиманихейской главе “Схолий” Феодора Бар-Конай темные стихии перечисляются в следующем порядке: дым, огонь, ветер, вода и тьма [Theodorus Bar Koni, 1910–1912, p. 312].

То же мы видим в пересказе арабского автора Ан-Надима: дым, пожар, суховей, яд (т. е. темный аналог воды) и тьма [Flügel, 1862, S. 86].

Далее, в описании битвы Первочеловека с силами мрака повторяется почти тот же порядок: дым, пожар, тьма, суховей и влага (туман)². Тот же вариант мы видим ниже, в пе-

² Здесь это темная стихия воды.

ресказе мифа о смешении темных стихий со светлыми: дым смешался с воздухом, пожар с огнем, свет с тьмой, суховей с ветром и влага (туман) с водой [ibid., S. 88].

Тот же список засвидетельствован в одном из коптских “Псалмов Бемы”:

А царство мрака есть в пяти хранилищах, они же дым, огонь, ветер, вода и тьма [A Manichaean Psalm-Book, 1938, 9.18–19].

Перечень темных стихий в таком же порядке (дым, огонь, ветер, вода, тьма) проходит через весь коптский манихейский трактат “Кефалайа” (“Главы”) [Kephalaia, 1940, p. 33.3–34.5, 48.8–9; 69.12–13; Кефалайа..., 1998, 33.3–34.5, 48.8–9; 69.12–13]. Это относится и к астрологическим главам трактата. См. толкования о принадлежности знаков зодиака темным стихиям [ibid., 167.25–30] и о соответствии пяти планет темным стихиям [ibid., 168.2–7] – здесь мы видим тот же порядок: дым (“он же разум”), огонь, ветер, вода, тьма. В результате того, что манихейский порядок перечисления стихий здесь первичен, знаки зодиака стоят не в своем естественном астрономическом порядке, а вразбивку.

В гл. 27 трактата [ibid., 77.29–78.1] порядок перечисления стихий другой, но здесь он, так сказать, анатомический – следует строению тела Царя мрака.

В одном из антимахейских трактатов Августина цитируется послание Мани (Epistula Fundamenti), где более или менее систематически изложена космогония манихеев. В цитате, где повествуется об изначальной “земле мрака”, порядок расположения стихий, казалось бы, другой:

Там бесконечная тьма, происходящая из той же природы, неисчислимая, со своими порождениями; а за ними были воды грязные и мутные, со своими обитателями; а глубже их – ветры ужасные и неистовые со своим архонтом³ и создателями. Далее – область огненная и тленная со своими вождами и народами. Равным образом внутри – область, полная мглы и дыма, в которой пребывал чудовишный архонт и вождь их всех, а вокруг него бесчисленные архонты, сознанием и началом которых был он сам; таковы были пять природ тлетворной земли [Coeuvres de Saint Augustin..., p. 430].

Но при более подробном рассмотрении оказывается, что перечень темных стихий здесь просто зеркально перевернут: тьма – вода – ветер – огонь – дым. Можно даже сделать догадку о причине такой инверсии. Как мы видим, здесь стихии перечисляются “сверху вниз”, в порядке удаления их изначального обиталища от верхнего предела двух миров (ветер находится “глубже” воды, дым – “внутри”). Очевидно, перечни в остальных источниках восходят к некоему месту в манихейском каноне, где темные стихии перечисляются “снизу вверх”, в порядке приближения к границе светлого мира.

Такое единообразие позволяет предположить, что перечни темных стихий в различных документах восходят к одному и тому же эпизоду какой-то книги манихейского канона.

Сложнее обстоит дело с перечнем светлых стихий. Есть несколько вариантов их расположения.

У Ан-Надима при первом упоминании о светлых стихиях они перечисляются в следующем порядке: воздух (“легкое дуновение”), ветер, свет, вода и огонь [Flügel, 1862, S. 86]. Тот же порядок см. далее, на с. 87.

В таком же порядке они стоят в одной из глав трактата “Кефалайа” [Kephalaia, 1940, 37.3–11]: воздух, ветер (“ветер живой, легкойвейный”), свет, вода, огонь (“сущий над ними всеми”).

Такой же порядок сохраняется в коптском псалме из цикла “Псалмы Гераклида”, где повествуется о пленении темных стихий светлыми [A Manichaean Psalm-Book, 1938, 197,9–202,26; Richter, 1994, 1998]:

³ В латинских источниках по манихейству princeps “глава, повелитель” – аналог греческого термина “архонт”.

66. Воздух владеет дымом,
воинства его связаны и скованы.
Вот, *⟨это⟩* весть.
67. Ветер стережет царя бури (**басме**),
воинство его связано и сковано.⁴
Вот, *⟨это⟩* весть.
68. Свет владеет царём тьмы,
воинство его связано и сковано.
Прими весть.
69. Вот, воды объяли
царя потопа (**емнр**) смертного.
Прими весть.
70. Дева, огонь живой,
овладела страной мрака.
Прими весть⁵.

О том, что светлый огонь (“Дева”) связал темный огонь, не сказано прямо, но явствует из контекста, а также по аналогии с другими источниками.

В Acta Archelai, одном из самых ранних антиманихейских источников (IV в., написан не позднее 340 г.), дошедшем до нас в латинской версии и частично по-гречески, приводится несколько иной список светлых стихий, но почти в том же порядке:

Это ветер, свет, вода, огонь и материя [Acta Archelai, VI (XXV)].

Здесь в пересказ явно вкралась ошибка. На первый взгляд можно подумать, что “материя” указана вместо “воздуха”. Однако она стоит последней в перечне, да притом не должна принадлежать ни к этому ряду, ни к темным стихиям: по манихейскому мифу материя – родительница стихий мрака.

Возможно, при изложении этого мифа произошло следующее. Составитель Acta Archelai отождествил воздух с ветром (это довольно понятно, если учесть, что в эллинистических учениях есть стихия воздуха, но нет стихии ветра). А материя могла попасть в этот ряд из следующей фразы исходного текста, повествующей о темных стихиях: “Этo воздух, ветер, свет, вода, огонь. Материя...” и т.д.

Заметим, что в цитируемом ниже коптском псалме, где порядок перечисления другой, воздух назван “первородным”, т. е. делается отсылка к какому-то мифу, где светлые стихии распределены по порядку их создания Первочеловеком. Вероятно, данный перечень, где первое место занимает воздух, присутствовал в начале космогонии, где стихии упоминались впервые, в порядке появления.

Особый случай представляет собой перечень светлых стихий при описании битвы Первочеловека. Здесь, как явствует из контекста, счет обычно ведется по тому порядку, в котором Первочеловек посылал светлые стихии в битву и отдавал мраку.

Перечисление стихий света в функции оружия и одеяний Первочеловека мы видим в одном из “Псалмов Саракотон”:

Дева света,
она же огонь живой,
(2 строчки не читаются)
его дочь возлюбленная,
..... своего отца,
та, что умерла за братьев своих.
Её брат, ветер живой,
второй помощник.
Третья стихия,
она же вода живая,
очиститель (?) братьев своих.

⁴ Здесь и далее З. Рихтер переводит: “Воинство его сковано, он связан”.

⁵ Здесь нумерация стихов указана по цитируемому изданию Рихтера [Richter, 1988].

[Четвертая стихия – свет,]
 помощник братьев своих.
 Пятая стихия,
 он же воздух живой,
 первородный отца своего
 [A Manichaean Psalm-Book, 1938, 137.22–38].

Такой же порядок повторяется в нескольких главах “Кефалайа”. Прежде всего это тоже изложения мифа о битве Первочеловека.

К тому времени, когда Первочеловек вышел на врага, [он вызвал и надел на] себя [пять] одеяний [живых и смирил] мрак одеянием огня живого (...) Но так как огонь живой обессилел, он дал ему другие четыре одеяния – ветра, воды, света и воздуха [*Kephalaia*, 1940, 126.32–127].

Вначале, вступив в битву с ними, он отдал им огонь и ветер; после них он отдал архонтам смерти одеяние водное [*ibid.*, 153.28–29].

Третий вид перечня светлых стихий (с некоторыми вариантами) присутствует в трактате, когда речь идет об очищении стихий в материальном мире и освобождении их от своей “снятой одежды”.

В гл. 94, “Об очищении четырех стихий, [пребывающих] в плоти”, порядок следующий: огонь, вода, свет и, очевидно, ветер [*Kephalaia*, 1940, 239.16–28].

Следующая за ней гл. 95 повествует о вознесении стихий к Деве света в “облаках”; этот эпизод, очевидно, связан с мифом о соблазнении архонтов. Здесь перечень немного иной: огонь, вода, ветер, свет, воздух [*ibid.*, 240.25–243.10].

В гл. 71 о слиянии и вознесении светлых стихий перечень почти такой же, за исключением того, что во главу вынесена стихия воздуха:

Свет собирается к огню, а огонь собирается [к воде, а во]да собирается к ветру, а ветер собирается к воздуху [*ibid.*, 175.29–176.1].

Можно сделать вывод, что различные варианты перечня стихий в цитированных текстах восходят к манихейскому канону. Список темных стихий почти везде одинаков – предположительно это цитата из самого начала космогонического текста. Светлые стихии перечисляются: 1) в порядке рождения, от “первородного” воздуха до огня; 2) в порядке пленения мраком, от огня, первого “оружия”, до воздуха, менее всего затронутого порчей; 3) в порядке их освобождения из мрака – в этом списке первыми стоят огонь и вода.

Вопрос о составе манихейских стихий связан с вопросом об их происхождении.

В конечном счете учение о пентаде стихий может восходить к астрологической группе из пяти планет, с которыми темные стихии иногда связываются в источниках. (Солнце и луна в манихейской космологии – явления совершенно другого порядка, они к этой группе светил не относятся.)

В ряде греческих философских систем тоже оказывается пять стихий – обычно это воздух, огонь, вода, земля и какая-то высшая пятая стихия (эфир, апейрон). Напрашивается вывод, что манихейское учение о стихиях в конечном счете восходит к греческим философским воззрениям. Но ниже будет показано, что это, скорее всего, не единственный его источник.

Пентада элементов, в разных вариантах и иерархиях, присутствует и в зороастрийских книгах. Но зороастрийская пентада не слишком походит на манихейскую: кроме воды и огня в ее состав входят земля, металл и растения [Ström, 1991, p. 333–338].

В зороастрийской книге “Бундахишн” есть эпизод смешения стихий: Ахриман оскверняет божественный огонь дымом, воду – ядом и т.д. Но здесь, как уже говорилось, существуют две возможности: либо иранский миф повлиял на манихейскую доктрину, либо зороастризм сасанидской эпохи испытал воздействие каких-то манихейских (или раннехристианских арамейских) текстов.

Если искать более прямых предшественников, мы неизбежно придем все к тому же гностицизму, предположительно к тем, кого обычно называют сирийскими гностиками. Вот как сирийский автор конца IX – начала X в. Моисей бар Кефа излагает космогонию Вардесана [*Patrologia Syriaca*, I, 2, 513–515]:

Глава 14. Против тех, которые говорят, что этот мир состоит из смешения пяти веществ (или сущностей – ܩܘܢܝܘܬܝܢ). Итак, Вардесан полагал и говорил, что сей мир состоит из пяти веществ; эти вещества – огонь, ветер, вода, свет и тьма. Каждое из них стояло на своей стороне: свет на востоке, а ветер на западе; огонь на юге, вода на севере, – в то время как Господь их стоял в высоте, а враг их, тьма, стояла в бездне. И вот однажды – то ли по (какой-то) причине, то ли случайно – они взаимно пришли в смятение, а тьма дерзнула восстать из бездны и смешалась с ними. Тогда эти чистые вещества пустились в бегство от тьмы и стали искать защиты в милости Всевышнего, чтобы Он освободил их от позорного яда, который примешался к ним, то есть (от) тьмы. Тогда на зов сотрясения снизошло Слово помысла Всевышнего⁶, оно же Христос; Он снизошел и отсек тьму от среды чистых веществ. Тьма низверглась и упала в нижнюю часть своей природы, а Он расставил вещества по порядку, по таинству креста. А из смешения веществ с их врагом, тьмой, Он составил этот мир и поместил его посреди, чтобы они не смешивались далее.

Действительно, это (или подобное) учение, скорее всего, и лежит в основе манихейского космогонического мифа. Здесь мы видим и пентаду стихий, и нападение темного начала на светлое, и его падение, и смешение, и мольбу светлых “веществ (сущностей)” о помощи, и нисхождение божественной эманации – спасителя и демиурга, и сотворение мира божеством из “срединного” смешения. Есть тут и такая специфическая подробность, как причисление ветра, света и тьмы к первичным веществам.

К этому пересказу близко свидетельство Ефрема Сирина о Вардесане [*Saint Ephraïms Prose Refutations...*; 1912–1921, сxxii–сxxiii; 214–215]. Э. Бек в своей статье справедливо указывает на существенное отличие манихейского учения от доктрины Вардесана – амбивалентность пяти стихий [Beck]. Однако “парное” деление стихий на светлые и темные могло быть результатом манихейского переосмысления учения о стихиях в строго дуалистическом духе. Ср. некоторые другие манихейские мифологемы, обнаруживающие следы подобного переосмысления.

Издатели так называемого Кёльнского кодекса (эта частично сохранившаяся миниатюрная книга на греческом языке содержит жизнеописание основателя манихейства) в комментариях к нему дают интересную версию происхождения манихейской пентады стихий из учения элхаситов о семи началах [Henrichs, Koenen, 1978, S. 185]. У элхаситов в число стихий входят: вода, земля, небо (вместо огня греческой физики), эфир и ветер (вместо воздуха греческой физики). По мнению Хенрикса и Кёнена, Мани в своем учении заменил землю светом, так как земля не может считаться светлой стихией (можно добавить, что по манихейской космологии земля вообще не принадлежит к стихиям, ни к светлым, ни к темным). Небо он заменил огнем, а эфир – воздухом.

Последнее тем более вероятно, что в манихействе темным аналогом воздуху служит дым. Темное и мутное воздушное вещество могло быть выбрано на эту роль как антипод вещества сияющего и прозрачного – того, что у греческих философов именуется эфиром, а в древнееврейском иногда обозначается термином כְּבוֹד “слава”.

Возможен и другой вариант. Если перечислить просто названия стихий манихейской доктрины, невзирая на их парность или непарность, получится как раз седмица: воздух, дым, огонь, вода, ветер, свет и тьма. Воздух как высшая стихия восходит, возможно, к “эфиру” элхаситской седмицы. Свет и тьма – это небо и земля (по толкованию в “Кефалайа”, стихия тьмы – прародительница пресмыкающихся, а следовательно, в каком-то отношении может быть аналогом земли). Дым может быть темным аналогом воздуха-эфира,

⁶ Ч. У. Митчелл делает здесь поправку: “по воле Всевышнего”. Для такого чтения есть все основания – заметим, например, что в коптских источниках постоянно повторяется выражение “по воле Всевышнего”, именно когда речь идет о нисхождении божества в мир.

дополняющим пентаду амбивалентных стихий. Такая трансформация элхасанитских семи святых сил в манихействе представляется более вероятной.

Следует отметить, что учение о светлых и темных стихиях и об их смешении засвидетельствовано в космогонии единственной, пожалуй, древней религии гностического типа, дожившей до наших дней, – в мандейской религии. Здесь комплекс стихий близок к манихейским перечням, причем присутствует стихия воздуха, названная אַיִר – греческое заимствование, от ἀήρ.

Но все это не снимает некоторых вопросов. Во-первых, откуда взялись отдельные стихии света и тьмы (мрака), если в манихейском учении существуют “первичные” свет и мрак – два начала, основа всего мироздания? И откуда взялось подобное разделение в учении элхасанитов? Во-вторых, почему ветер выделяется в особую стихию, не тождественную воздуху/дыму?

Ответ можно найти, если предположить, что одним из первоисточников этих учений о стихиях явилась особая интерпретация начальных стихов гл. 1 книги Бытия.

В Талмуде и мидрашах есть толкования, где в роли таких первых элементов, материала для сотворения мира, выступают вещества, перечисленные в этих стихах, в том числе дух или ветер (Быт 1:2 “и дух Божий носился над водами” – евр. רוּחַ означает и “дух”, и “ветер”), свет и тьма (Быт 1:3–5 – о сотворении света и отделении его от тьмы).

Так, в мидраше “Берешит Раба” [*Midrash Bereshit Rabbah*, 1996, I:IX] говорится о споре некоего философа⁷ с раббаном Гамалиилом⁸. Философ говорит, что Бог изначально уже имел материалы, из которых сотворил мир: тоху, боху, тьму, ветер, воду и бездну. Гамалиил, ссылаясь на Ис 45:7, Пс 148:4–5, Амос 4:13, Притч 8:24, доказывает ему, что и это все сотворил Бог.

Еще более подробная экспозиция приводится в Вавилонском Талмуде [*Der Babylonische Talmud...*, 1933], “Хаггига”, II, лист 12а:

Сказал рав Иегуда⁹: – Сказал Рав¹⁰: Десять вещей сотворены в первый день, и вот они: небо и земля, тоху и боху, свет и тьма, ветер и вода, мера (מֵרָא) дня и мера ночи. Небо и земля – ибо сказано: **Вначале сотворил Бог небо и землю** (Быт 1:1). (Далее в качестве объяснений даются ссылки на соответствующие места в первых стихах книги Бытия.)

Как видим, здесь присутствуют именно десять первоэлементов, среди которых, согласно тексту первых стихов Библии, в отдельные стихии выделены ветер (= дух), вода, свет и тьма. (Воздух – одна из основных стихий в греческих философских учениях. Что касается семитоязычных текстов, то ни в еврейском, ни в арамейском нет даже собственного слова, которое обозначало бы “воздух”. В Танахе такое понятие вообще отсутствует, а в постбиблейском еврейском, в арамейском и сирийском употребляется заимствованное слово, евр. אַיִר, сир. אַיִר, мандейское אַיִר – от греческого ἀήρ).

Подобное толкование мы находим и в других источниках. Трактат “Пирке де-рабби Элиэзер” говорит об этом так (гл. 3):

Восемь вещей сотворены в первый день, и вот они: небо, земля, свет, тьма, тоху, боху, дух, вода. Ибо сказано (далее цитируется Быт 1:1–2).

Таким образом, можно утверждать, что манихейское учение о стихиях восходит не только к греческой философии, но и к толкованию первых стихов библейского повествования о творении.

⁷ Употреблено греческое заимствование.

⁸ Под этим именем в мидраше подразумевается один из трех палестинских богословов: раббан Гамалиил I, таннай 1-го поколения (ок. 10–90 гг. н.э.), из Явне (Ямнии), раббан Гамалиил II, 2-е поколение (ок. 90–130 гг.), из Явне, или раббан Гамалиил III, таннай 5-го поколения (ок. 200–225 гг.), из Сепфориса. Идентификация и датировка иудейских экзегетов даются здесь по изданиям [Bader; Шиффман].

⁹ По иудейской хронологической традиции, это ученик Рава (см. след. сноску), жил в Вавилонии.

¹⁰ Рав — Абба Ареха (155–247 гг.), из Вавилонии.

Это толкование объясняет многое в манихейском строении стихий: и количество их, и выделение ветра, света и тьмы как самостоятельных стихий.

Еще одно доказательство такого происхождения манихейской пентады можно видеть в том, как перечисляются стихии в разных перечнях (об этом см. выше):

- 1) Дым – огонь – ветер – вода – тьма
- 2) Воздух – ветер – свет – вода – огонь
- 3) Огонь – ветер – вода – свет – воздух
- 4) Огонь – вода – ветер – свет – воздух.

Как можно заметить, здесь довольно стабильно сохраняется некое “ядро”, триада элементов “ветер, вода и свет/тьма”, хотя и в разном порядке. Между тем именно эти первоэлементы творения представлены в Быт 1:2–4: “дух (он же ветер, PPP) – вода – свет/тьма”. На периферии перечня помещаются воздух/дым и огонь – стихии, не упомянутые в Быт 1. Не указывает ли это, что библейское толкование действительно послужило одним из источников манихейского учения о стихиях?

Следует заметить, что в цитированном выше изложении учения Вардесана список стихий имеет те же особенности: огонь – ветер – вода – свет – тьма. Здесь тоже присутствует такое “ядро”, причем в том же порядке, что и перечень темных стихий у манихеев. Список полностью совпадает с одним из вариантов манихейского перечня – с поправкой на то, что у Вардесана, во-первых, отсутствует стихия воздуха, а во-вторых, нет типичной для манихеев дихотомии на светлые и темные стихии.

Эта гипотеза объяснила бы, откуда взялась в манихейском учении такая явная терминологическая дисгармония, как “дублированные” стихии света и тьмы, наряду с двумя одноименными первоначалами. Это лишний раз доказывает, что учение о стихиях, исходящее из толкования Быт 1:1–2, – не специфически манихейская мифологема: оно уже существовало в какой-то раннехристианской школе и в готовом виде включено в доктрину Мани.

Предположение о подобном происхождении манихейской доктрины о стихиях подтверждается также и тем, что стихии в учении Мани – атрибуты и оружие божества, именуемого Первочеловеком.

Не буду подробно останавливаться на происхождении мифа о Первочеловеке из библейской экзегезы, потому что об этом уже было написано [Смагина, 2001]. Здесь достаточно будет сказать, что манихейский миф при ближайшем рассмотрении обнаруживает бесспорные признаки происхождения из легенд о “Первоадаме”, сложившихся на основе экзегезы первых глав Бытия.

В самой книге Бытия, естественно, не сказано о сотворении стихий. Но начиная с эллинистической эпохи некоторые иудейские экзегеты пытались согласовать библейский рассказ о сотворении мира и человека с философским учением о стихиях, которое они к тому времени усвоили. Уже в дохристианских толкованиях на Бытие постоянно делаются выводы о сотворении стихий в первые дни, о сотворении Адама из стихий и т.д.

Интересное толкование о сотворении Адама из различных природных субстанций, в том числе из стихий, содержится в псевдоэпиграфической книге “Жизнь Адама и Евы”, датирующейся периодом между 100 г. до н.э. и 200 г. н.э. (латинская версия, гл. 37) [Жизнь Адама и Евы, 2008].

Легенды, сложившиеся вокруг истории сотворения мира и связанные с учением о стихиях, приводит и классифицирует А. Тёпель в своем исследовании сирийской книги VI или VII в. “Пещера сокровищ” [Тоерел, S. 27ff.]. Подобные легенды есть в книге Юбилеев, в самаритянской традиции, у раннехристианских авторов, в частности сирийских (Ефрем Сирин, Нарсай).

Что касается сотворения Адама из стихий, то в упомянутой книге “Пещера сокровищ” (гл. 10–12) содержится подробный рассказ об этом, восходящий, по всей видимости, к более ранним источникам:

И они (ангелы) увидели десницу Бога, как она протянулась и простерлась над всем миром. И собрались все творения в ладони десницы Его. И увидели, что Он взял от всей земли крупицу (зерно: אֶרֶץ праха, и от всей природы (כָּל) воды – каплю (כֶּסֶף) воды, и от всего воздуха, который наверху, – часть (כַּחֲצֵי) ветра, и от всей природы огня – немного жара тепла. И увидели ангелы, как легли эти четыре слабых стихии внутрь ладони Его десницы, они же холод, и жар, и сухость, и влажность. И сотворил Бог Адама. И для чего из этих четырех стихий (слабых) сотворил Бог Адама, как не для того, чтобы через них подчинялось ему всё в мире? [Bezold, 1981, Ch. 10–12].

Легко можно видеть, что отсюда прослеживается прямая линия к манихейскому мифу о Первочеловеке и стихиях, где Первочеловек повелевает светлыми стихиями и одновременно находится под их защитой.

Все это служит еще одним подтверждением того, что мифология манихеев при всей ее сложности и фантастическом характере в конечном счете восходит к ранним арамейским иудео-христианским источникам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жизнь Адама и Евы / Вступ. ст., пер. с греч. и латинск. и коммент. Е.Б. Смагиной // *Вестник древней истории*. 2008. № 1.
- Kephalaia* ("Главы"). *Коптский манихейский трактат* / Пер. с коптск., исслед., коммент., глоссарий и указ. Е.Б. Смагиной. М., 1998.
- Смагина Е.Б. Толкования на книгу Бытия в иудаизме как источник манихейского космогонического мифа // *Мир Библии*. Вып. 8. М., 2001.
- Шиффман Л. *От текста к традиции. История иудаизма в эпоху Второго Храма и период Мишны и Талмуда*. Иерусалим–Москва, 2002.
- Acta Archelai* / Ed. Ch.H. Beeson. (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Bd. 16). Lpz., 1906. VI (XXV).
- Der Babylonische Talmud. Mit Einschluß der vollstaendigen Mišnah* / Hrsg. v. L. Goldschmidt. Haag, 1933.
- Bader G. *The Encyclopedia of Talmudic Sages*. L., 1988.
- Beck E. Bardaisan und seine Schule bei Ephräm // *Le Muséon*. Т. 91. Louvain.
- Bezold C. *Die Schatzhöhle "Me'arath Gazzē"*. (The Cave of Treasures / La Caverne des Trésors) / Eine Sammlung biblischer Geschichten aus dem sechsten Jahrhundert jemals Ephraem Syrus zugeschrieben. Leipzig, 1983–1988. Reprinted: Amsterdam, 1981.
- Dodge B. *The Fihrist of al-Nadim: A Tenth-Century Survey of Muslim Culture*. (Records of Civilization: Sources and Studies, 83). Vol. I–II. N.Y.–L., 1970.
- Flügel G. *Mani, seine Lehre und seine Schriften*. Lpz., 1862.
- Henrichs A., Koenen L. Ein griechischer Mani-Kodex (Pap. Colon. Inv. Nr. 4780): Περὶ τῆς γέννης τοῦ σώματος αὐτοῦ. Edition der Seiten 72.8–99.9 // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 32 (Bonn, 1978).
- Kephalaia* / Ed. H.-J. Polotsky & A. Böhlig. Stuttgart, 1940.
- A Manichaean Psalm-Book* / Ed. by C.R.C. Allberry. (Manichaean Manuscripts in the Chester Beatty Collection). Stuttgart, 1938.
- Midrash Bereshit Rabbah* / Critical Edition with Notes and Commentary by J. Theodor and Ch. Albeck. 2nd edition. Jerusalem, 1996. Vol. 1.
- Œuvres de Saint Augustin. 17. Six traités anti-manichéens / Ed. R. Jolivet et M. Jourjon. Bruxelles, 1961.
- Patrologia Syriaca*. Pars prima. I–III. Parisii, 1894–1926.
- Patrologiae cursus completus* / Ed. P. Migne. P. Series Latina. Parisii. Vol. XLII.
- Reeves J.C. Manichaean Citations in the Prose Refutations of Ephrem Syrus // *Emerging from Darkness: Studies in the Recovery of Manichaean Sources* (Nag Hammadi & Manichaean Studies 43) / Ed. P. Mirecki and J. BeDuhn. Leiden, 1997.
- Richter S. *Exegetisch-literarkritische Untersuchungen von Herakleidespsalmen des koptisch-manichäischen Psalmenbuches*. Altenberge, 1994.
- Richter S. *Die Herakleides-Psalmen*. (The Manichaean Coptic Papyri in the Chester Beatty Library. Psalm Book). Part II, Fasc. 2. (CFM, I). Turnhout, 1998.
- Saint Ephraim's Prose Refutations of Mani, Marcion, and Bardaisan* / Ed. C.W. Mitchell. Vol. I–II. L., 1912–1921.
- Ström Å. V. Le chiffre cinq // *Manichaica Selecta. Studies presented to Professor Julien Ries on the occasion of his seventieth birthday* / Ed. by A. van Tongerloo and S. Giversen. (Manichaean Studies. I). Lovanii, 1991.
- Theodoros Bar Koni. *Liber Scholiorum* / Ed. A. Scher // *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. Vol. LV, LXIX (1910–1912).
- Wurst G. *Die Bema-Psalmen* // *The Manichaean Coptic Papyri in the Chester Beatty Library. Psalm Book*. Part II, Fasc. 1. (Corpus Fontium Manichaeorum. Series Coptica. I). Turnhout, 1996.